

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 13

Санкт-Петербург
2022

ББК 63.3(2)
УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

*канд. филол. наук А. В. Бояркина (РГПУ им. А. И. Герцена),
канд. филол. наук Л. Н. Пузейкина (СПбГУП)*

Ответственный редактор

канд. ист. наук Ю. В. Бучатская

Н50 Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 13. — СПб.: МАЭ РАН, 2022. — 424 с.

ISBN 978-5-88431-399-6

Сборник научных статей «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект» (вып. 13) посвящен биографиям немцев, жителей Санкт-Петербурга, которые представляют разные сословия и профессии — от великих князей, секретарей посольств до библиотекарей, врачей и пасторов. Сборник имеет четыре раздела, соответствующих хронологическим рамкам биографических исследований: XVIII, XIX и XX вв., а также раздел о судьбах немецких семей и родов в столице Российской империи. Статьи представляют собой полные материалы одноименных научных конференций, состоявшихся в 2019 и 2021 гг., и впервые вводят в научный оборот оригинальный материал из не публиковавшихся ранее источников, государственных и частных архивов.

Биографические портреты и судьбы немцев-профессионалов представят интерес для самых разных специалистов — историков, этнографов, антропологов города, историков науки, историков промышленности, техники и искусства.

*Издание осуществлено при поддержке Генерального консульства
Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений
«Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге».*

ISBN 978-5-88431-399-6

© МАЭ РАН, 2022

© А. Ю. Харитоновна, обложка, 2022

Е. В. Лебедева

**РАЗНЫЕ РОЛИ В ОБЩЕЙ ДРАМЕ:
СУДЬБЫ СЕМЕЙ БРЕЙНЕР И ШТОРЦ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ НОВОСАРАТОВСКОЙ НЕМЕЦКОЙ
КОЛОНИИ (1910–1940-е годы)**

В статье на примере судеб двух семей, занимавших разные позиции по отношению к советской власти, рассказывается о жизни крупнейшей из немецких колоний под Петербургом–Ленинградом в годы «военного коммунизма», НЭПа, коллективизации, а также о депортации ее жителей в северные регионы страны в 1942 г.

В первой части статьи («Семья Брейнер: строители новой жизни») прослежена трагическая судьба семьи первого председателя исполкома Новосаратовского волостного совета коммуниста Ивана Брейнера, пытавшегося найти компромисс между защитой интересов колонистов и реализацией партийной политики в немецких колониях и ставшего жертвой сталинского режима. Во второй части («Семья Шторц: хранители старых традиций») на примере главы крестьянского хозяйства Амалии Шторц показаны возможности и границы пассивного сопротивления новой власти со стороны последнего дореволюционного поколения колонистов. В третьей части, посвященной судьбе обеих семей в военные и послевоенные годы, приводятся примеры личных стратегий выживания бывших колонистов в условиях депортации, Трудармии и спецпоселения.

При подготовке статьи использованы материалы интервью автора с потомком семей Шторц и Брейнер А. Шторцем, архивные документы, исследования по истории немецких колоний под Петербургом–Ленинградом.

Ключевые слова: немецкие колонии под Петербургом–Ленинградом, Ленинградская область, Новосаратовка, «военный коммунизм», коллективизация, депортация, история семьи.

E. V. Lebedeva

**DIFFERENT ROLES IN THE OVERALL DRAMA: THE FATE
OF THE BREINER AND STORZ FAMILIES IN THE CONTEXT
OF THE HISTORY OF THE NOVOSARATOVSKAYA
GERMAN COLONY (1910s–1940s)**

Using the example of the fate of two families who held different positions in relation to the Soviet regime, the article tells about the life of the largest of the German colonies near St. Petersburg–Leningrad during the years of war communism, NEP, collectivization, and also about the deportation of its inhabitants in 1942.

The first part (“The Breiner family: builders of a new life”) traces the tragic fate of the first chairman of the Novosaratovsky Council, communist Ivan Breiner, who tried to find a compromise between protecting the interests of the colonists and implementing Soviet policy in the German colonies, and became a victim of Stalin’s terror. In the second part (“The Storz family: keepers of old traditions”), using the example of the head of the peasant farm Amalia Storz, the possibilities and limits of passive resistance to the authoritarian power from the last pre-revolutionary generation of colonists are shown. The third part, which tells about the fate of both families in the war and post-war years, provides examples of personal survival strategies of former colonists in the harshest conditions of deportation, “Labor Army” and “special settlement” in the northern regions of the country.

The article uses the memoirs of members of the Storz and Breiner families, archival materials, as well as research on the history of the German colonies near St. Petersburg–Leningrad.

Keywords: German colonies near St. Petersburg–Leningrad, Novosaratovskaya German colony, Leningrad region, war communism, collectivization, deportation, Russian Germans, family history.

Введение

Основой для данной статьи послужили материалы письменного интервью автора с Анатолием Шторцем — потомком жителей Новосаратовской немецкой колонии, существовавшей под Петербургом–Ленинградом с 1765 по 1942 г.¹ В отличие от многих семей советских немцев, переживших репрессии и депортацию, в семье Шторц–Брейнер говорили обо всех, даже самых трагических, моментах ее прошлого. Детальные ответы на вопросы интервью, основанные прежде всего на рассказах бабушки, Амалии Шторц, и матери, Христины Брейнер, были дополнены Анатолием Шторцем материалами из фамильного архива, а также собственными размышлениями об истории своей семьи и малой родины.

Для исследователя эта семья примечательна тем, что Брейнеры и Шторцы были представителями двух разных групп внутри колониального сообщества, интересы которых столкнулись в бурное время политических преобразований первых десятилетий XX в.: тех, кто внедрял эти преобразования в жизнь, и тех, чей мир был ими разрушен. Центральными фигурами изложенной Анатолием Шторцем семейной истории являются его дед по линии матери, Иван (Иоганн) Брейнер (1891–1938), и бабушка по линии отца, Амалия Шторц (1885–1970). Знакомство с трагической судьбой интеллигента-революционера Ивана Брейнера, принесшего советскую власть в крупнейшую из петербургских колоний, со временем

осознавшего ошибки этой власти и в конце концов уничтоженного ею, позволяет глубже понять сложность социальных отношений в немецкой деревне на переломе эпох. А рассказ о главе крестьянского хозяйства Амалии Шторц помогает дополнить представления о возможностях и границах пассивного сопротивления власти со стороны последнего дореволюционного поколения колонистов. Воспоминания членов семьи о драматических событиях военных и послевоенных лет содержат примеры личных стратегий выживания в тяжелейших условиях депортации, Трудармии и спецпоселения.

Наиболее ранние эпизоды из приводимых А. Шторцем семейных воспоминаний относятся к поколению его прадедов (к концу XIX в.). В обеих семьях не сохранилось точных сведений о более отдаленных предках, а также о местах, откуда они выехали в Россию (в качестве родины называлась Швабия — исторический регион на юго-западе современной Германии). Ныне эта информация может быть частично восстановлена на основании архивных данных. В числе шестидесяти глав семейств, подписавших летом 1765 г. в Ораниенбаумском переселенческом лагере под Санкт-Петербургом договор с российскими властями о поселении в Новосаратовской колонии, были Готфрид Брейнер и Иоганн Георг Шторц². О последнем известно, что он происходил из Вюртемберга (д. Кляйнгартах) и, прежде чем отправиться в Россию, с 1761 по 1765 г. был колонистом в Дании (колония Христиансхайде, округ Фленсбург). Другие предки А. Шторца (по линии отца — семьи Райх и Финк из Курпфальца, по линии матери — Эйкстер из Вюртемберга и Фогельгезанг из Бранденбурга) также первоначально попытались счастья в датских колониях, откуда весной 1765 г. выехали по морю в порт Кронштадт³.

К началу XX в. семьи Шторц и Брейнер были достаточно далеки друг от друга как в социальном, так и в географическом отношении, и вряд ли бы их судьбы пересеклись, если бы не революционные события 1917 г., которые свели их вновь в Новосаратовке.

Семья Брейнер: строители новой жизни

Семья Брейнер — прадед А. Шторца Христофер с женой Христиной (ур. Эйкстер) и детьми — жила до революции в г. Острове

Псковской губернии. Христофер, не будучи наследником семейного хозяйства (в колониях оно, как правило, в нераздельном виде передавалось старшему из сыновей), в свое время покинул Новосаратовку и стал управляющим имением у псковского помещика, с семьей которого у Брейнеров сложились дружеские отношения. Иван и его брат Александр вместе с сыновьями помещика посещали гимназию в г. Острове, а после ее окончания вчетвером поехали в Петербург продолжать учебу (рис. 1).

В студенческие годы Иван Брейнер увлекся социалистическими идеями, вступил в партию большевиков. По заданию партийного кружка он, оставив университет, поступил на работу наборщиком в одну из городских типографий, что позволило организовать в ней печать листовок и прокламаций. Его взглядов не разделяли ни старший брат, ни тем более друзья юности — сыновья псковского помещика.

В 1917 г. Иван Брейнер, как пишет А. Шторц, был участником «октябрьских событий», и впоследствии у него остались «товарищи

Рис. 1. Иван Брейнер — студент университета. 1910-е годы
(Все фотографии в статье — из архива семьи Шторц-Брейнер,
предоставлены автору статьи Анатолием Шторцем.)

по этому времени в Петроградском совете, которые занимали там определенные должности». В семье упоминалось, в частности, имя председателя совета Григория Зиновьева. В 1918 г. Брейнер был направлен Петроградским советом в Новосаратовку устанавливать советскую власть в немецких колониях. Он возглавил исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Новосаратовской волости, в которую входили в том числе колонии Веселый Поселок и Уткина Заводь. Отец Ивана Христорфер после революции тоже переехал в Новосаратовку, в дом родственников жены Эйкстер, и открыл слесарную мастерскую по ремонту сельскохозяйственного инвентаря.

В колонии Иван Брейнер встретил свою будущую жену — Варвару (Барбару) Фогельгезанг (рис. 2), семья которой незадолго до этого вернулась туда из Петрограда. Эта семья, как и Брейнеры, до революции была довольно обеспеченной, ее глава Генрих Фогельгезанг служил в бюро компании «Зингер». Дети обучались в столичных школах, свободно владели русским языком, приобщились к городскому образу жизни.

Рис. 2. Варвара Фогельгезанг. 1910-е годы

Под влиянием Ивана Брейнера его новые родственники прониклись революционными идеями. В период Гражданской войны Иван, Варвара и ее отец Генрих принимали участие в обороне Петрограда от белогвардейцев (рис. 3). Вступив в большевистскую партию, Варвара Брейнер со временем стала одним из наиболее активных проводников политики советской власти в Новосаратовке.

В саму же семью Брейнер революция внесла раскол. «В то время как Иван устанавливал и отстаивал советскую власть, Александр воевал на стороне белых. В одном из боев под Петроградом Алекс попал в плен к красным, и лишь фамилия спасла его от расстрела: он оказался братом их командира», — рассказывает А. Шторц. Александра отпустили в Петроград под поручительство Ивана Брейнера, взяв с него обязательство не оказывать больше сопротивления советской власти.

В послереволюционные годы исполкому волостного совета под руководством И. Брейнера пришлось решать первоочередные задачи по организации жизни немецких колоний. В то же время вместе с советской властью в колонии пришли и меры «военного коммунизма», самой ненавистной из которых являлась продразверстка — принудительное изъятие «излишков» продовольствия

Рис. 3. Иван Брейнер, Варвара Брейнер и Генрих Фогельгезанг (стоит справа) перед отправкой на фронт в годы Гражданской войны

для снабжения города и армии. В этих условиях перед Брейнером и его товарищами — членами исполкома — стояла трудноразрешимая задача: с одной стороны, им было необходимо завоевывать поддержку колонистов, с другой — обеспечивать выполнение распоряжений вышестоящих партийных и государственных органов.

В фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга автором статьи был выявлен ряд свидетельств о работе Ивана Брейнера на посту председателя исполкома волостного совета⁴. Документы говорят о том, что на протяжении всего периода «военного коммунизма» исполком не прибегал к жестким мерам по изъятию продовольствия у колонистов и, насколько это было возможно, противодействовал применению таких мер со стороны представителей власти, направлявшихся в немецкие колонии из Петрограда. В результате в 1919 г. хозяйствами Новосаратовки было сдано только 17 тыс. пудов продукции вместо предписанных 100 тыс., а в 1920 г. — 28 тыс. вместо 65 тыс. пудов⁵. По мнению руководивших немецкими колониями Петроградской губернии государственных органов, причины невыполнения Новосаратовкой продразверстки коренились «в до сих пор еще не исчезнувшей в колонии жажде к спекуляции и наживе у колонистов и в полной бездеятельности Волсовета, зачастую поддерживающего своей “итальянской забастовкой” отрицательный для общего дела свой местный авторитет»⁶. Ивану Брейнеру вменялось в вину преднамеренное занижение показателей излишков продовольствия у колонистов. Так, к примеру, в официальной переписке указывалось, что «тов. Брейнер, произведя сугубо неправильный теоретический учет урожая у колониста Лаутеншлегера, определил недостаток картофеля в 171 пуд, в то время как за этим колонистом числится излишек в 181 пуд», так что «подсчет тов. Брейнера, вероятно, дал повод колонисту своих излишков не сдавать». Попытке же силой изъять у Лаутеншлегера картофель сверх обнаруженного «излишка» Брейнер воспрепятствовал⁷. Кроме того, говорилось об отказе исполкома арестовывать колонистов, уклонявшихся от трудовой мобилизации, а также о том, что Новосаратовская колония являлась «крайне упорной... не только в деле реализации излишков ее урожая, но и вообще в смысле проведения тех или иных начинаний

руководящего центра»⁸. С саботажем новосаратовцев решено было бороться «путем контрибуций», а также «реорганизацией состава Волсовета»⁹. В 1921 г. Иван Брейнер был отстранен от должности председателя исполкома.

Тем не менее, оставаясь членом большевистской партии, он должен был способствовать проведению в жизнь ее политики, находясь, таким образом, в центре конфликта между разными группами колонистов вокруг послереволюционного передела земли в колонии. По приведенным А. Шторцем воспоминаниям родственников, однажды на жизнь Брейнера было совершено покушение, которое, к счастью, не удалось довести до конца: когда он возвращался из города в Новосаратовку поздним зимним вечером, «его схватили, натянули на голову мешок и потянули к Неве. Видно, хотели утопить в проруби. Но кто-то помешал (шаги, разговор), и его бросили, скрылись».

Дочь Ивана Христина вспоминала, что после поездок в город «дома отец рассказывал о встречах с бывшими знакомыми по партии, о новой политике. Считал, что, если бы Ленин оставался у власти, все было бы иначе. Сталинскую политику воспринимал трудно». «Вероятно, он делился своими мыслями и взглядами не только в кругу семьи», — добавляет А. Шторц.

По словам А. Шторца, особое неодобрение вызывали у Ивана Брейнера меры по раскулачиванию и методы проведения коллективизации, активно начавшейся в немецких колониях с 1930 г., хотя, как член партии, он не мог не принимать участия в этих мероприятиях. «В начале коллективизации все было еще не так жестко поставлено: агитировали за колхозы, поощряли... Мама говорила, — пишет А. Шторц, — что к ее отцу обращались колонисты за разъяснениями. Он сам (как говорил маме позже) был сторонником НЭПа, считал, что надо было оставить частное кустарное производство, не загонять крестьян в колхозы, а создавать для этого условия. Но когда все ужесточилось, то он уже давал советы не игнорировать колхозы, понимая, к чему это приведет. В крайнем случае, чтобы избежать раскулачивания, сдать все “излишки”, чтобы не числиться зажиточным». К советам Брейнера прислушивались, поскольку «хотя он и был тем, кто принес сюда

советскую власть, но как человек пользовался уважением у большинства колонистов».

Самому же Ивану Брейнеру компромисс между собственными убеждениями и партийными установками давался все сложнее. Яркий пример тому — его подпись под открытым письмом колхозников Новосаратовки, опубликованным в рамках пропагандистской кампании в числе других подобных писем в центральной газете «Известия» летом 1933 г., в котором, в частности, говорилось: «Колхозники-немцы колхоза “Красный механизатор” Новосаратовской колонии... прочитав в “Известиях” телеграмму об организуемом в Германии сборе пожертвований для якобы голодающих немцев СССР, считают своим долгом заявить: нам не нужна помощи президента Германской республики Гинденбурга и рейхсканцлера Гитлера... Немцы-колхозники не голодают». Далее в письме описывались успехи новосаратовского колхоза и высокий уровень благосостояния колхозников, а также выражался призыв к властям Германии накормить голодающих пролетариев собственной страны и освободить из тюрьмы Эрнста Тельмана¹⁰. «Моя мама рассказывала, — вспоминает А. Шторц, — что ее отец после собрания, которое обязало его в числе других подписать это обращение, вернулся домой удрученным: пришлось снова сделать то, что не соответствовало правде и его чувству совести. Ведь было известно, что голод был и на Украине, и в Заволжье, в том числе и в немецких колониях». К этому следует добавить, что реальное положение «Красного механизатора» в тот момент было плачевным, и по итогам 1933 г. была проведена очередная смена его руководства¹¹.

В 1936 г., после процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», был расстрелян Г. Зиновьев, с которым Брейнера связывала работа в Петроградском совете в годы революции и о котором он и позже «высказывался положительно», утверждая, что «в некоторых вопросах, которые он ставил перед партией и та их не приняла, он, вероятно, был прав». Самого Ивана Брейнера во время очередной «чистки» исключили из партии, обвинив среди прочего в проявлениях «мягкотелости» при проведении коллективизации. В обстановке развернувшихся репрессий Брейнер, по словам А. Шторца, «знал, предчувствовал, что его

ожидает». Не скрывая своих предчувствий от дочери Христины, он попросил ее не верить тому, что будут говорить о нем, «если с ним что-нибудь случится», но при этом, если потребуется, не портить себе жизнь и отказаться от него.

В марте 1938 г. Брейнера арестовали. Ему был вменен целый ряд преступлений по четырем пунктам печально известной ст. 58 УК РСФСР, включая п. 2 (подготовка вооруженного восстания и за-хвата власти). 9 июля 1938 г. Иван Брейнер был расстрелян¹².

Семье Ивана Брейнера пришлось пережить и другие трагические события: «Варвара не выдержала такого испытания: случился нервный срыв, помешательство. Она попала в клинику, что, возможно, спасло ее от ареста. Вернулась она домой с периодическими приступами душевной болезни». Вскоре семья потеряла старшего из сыновей, Александра. Он не смог смириться с арестом отца и открыто выражал свое несогласие с предъявленными тому обвинениями, «говорил, что отец ни в чем не виноват, что старых коммунистов сажают...» Когда в начале войны Александр пропал без вести на строительстве укреплений на подступах к Ленинграду, близкие предполагали, что он тоже мог быть репрессирован, поскольку, по словам работавших вместе с ним односельчан, «часто критично высказывался по поводу всего, что происходило». Все попытки Христины впоследствии что-либо узнать о судьбе брата не дали результата.

Для самой Христины Брейнер арест отца означал невозможность осуществления жизненных планов. Она — комсомолка, с отличием окончившая школу, — должна была продолжить учебу в педагогическом техникуме в Ленинграде. Однако вместо учебы ей пришлось занять место помощника счетовода в конторе новосаратовского колхоза, где до ареста работал и ее отец. К этому времени Христина уже была невестой своего бывшего одноклассника Андрея Шторца, возвращение которого со срочной военной службы планировалось на осень 1941 г.

Семья Шторц: хранители старых традиций

Генрих и Амалия Шторц происходили из бедных новосаратовских семей, выросли в колонии, учились в приходской школе. В брак

они вступили относительно поздно. Фактическим и признанным главой семьи Шторц являлась Амалия, что было необычно для патриархальной немецкой деревни. Взять на себя ответственность за благополучие родных ей пришлось уже в юности. Ее отец, Генрих Финк, был ранен на Русско-японской войне 1904–1905 гг. и недолго прожил после возвращения в колонию. Заботы о большом огороде и четырех младших сестрах легли на плечи Амалии и ее матери, Регины Финк (ур. Райх) (рис. 4). Лишь обеспечив сестер приданым и выдав их замуж, Амалия смогла создать собственную семью.

Рис. 4. Регина Финк. Новосаратовка, 1910-е годы

Традиционно наиболее уважаемым и желанным в немецких колониях считался статус домохозяина — владельца земельного надела и обширного хозяйства, стоявшего на социальной лестнице выше работавших батраками, занимавшихся промыслами либо переселявшихся в город безземельных колонистов. Молодые годы семьи Шторц прошли в борьбе за создание, а затем расширение собственного хозяйства. В течение нескольких лет Амалия и Генрих (рис. 5) ездили батрачить в Финляндию, что позволило им купить участок земли в Новосаратовке и построить дом. Семейные отно-

Рис. 5. Генрих и Амалия Шторц, 1930-е годы

шения строились вокруг нужд хозяйства, по вкладу в него оценивались члены семьи, о чем свидетельствует и приведенная А. Шторцем характеристика Амалией своего мужа Генриха: «Муж ей достался не хозяин (ее слова), человек хороший, но физически некрепкий и довольствовавшийся тем, что есть; себя не хотел (или не мог) утруждать особо». Родившиеся в семье четверо сыновей воспринимались прежде всего как «будущая помощь в хозяйстве».

В рассказе А. Шторца, записанном со слов бабушки, содержится детальная характеристика колониетского хозяйства 1920-х — начала 1930-х годов. Его основу составляло выращивание овощей — картофеля и капусты. Собранный урожай возили через Неву на особый «немецкий рынок». Важную роль играли и другие источники дохода: «Амалия развела гусей, они хорошо продавались. Она набивала подушки пером для продажи. Генрих оказался хорошим столяром. Он делал мелкую мебель на продажу, колеса, бочонки». Старшие сыновья работали на огороде, младшие — пасли гусей, корову, ухаживали за свиньей. «Моя мама говорила, — пишет А. Шторц, — что Амалия была очень крепкой женщиной и работящей, ни себя не жалела, ни мужа, ни сыновей — все должны были работать с полной отдачей». Взятая на себя ответственность за семью и многолетняя борьба за существование сказались на характере Амалии: «Властная, бескомпромиссная, привыкшая решать семейные проблемы по своему представлению, она никогда не просила помощи и сочувствия — выстраивала жизнь сама. Поэтому сочувствие к другим у нее тоже было мизерное...»

Усилия семьи принесли свои плоды: «Амалия стала зажиточной, нанимала помощницу по дому, людей в помощь для сбора урожая овощей». Подобно Амалии Шторц, бо́льшая часть новосаратовских колонистов вела в годы НЭПа ориентированное на рынок хозяйство и прибегала к найму сезонной рабочей силы, положение которой регулировалось трудовыми договорами. Согласно одному из таких договоров, сохранившемуся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, в летний сезон 1927 г. в хозяйстве Шторц работала крестьянка Анна Чукулева, двадцати лет. Наниматель предоставлял ей жилье и четырехразовое питание (кофе, обед, чай и ужин). Трудясь «не более 12 часов в день» при шестидневной рабочей неделе, она получала 32 руб.¹³ Сопоставимые условия труда были и у работников других колонистов.

Такими людьми, как Амалия Шторц, — добившимися благосостояния упорным трудом и привыкшими к независимости в принятии решений, — принудительная коллективизация была воспринята как утрата всего достигнутого. Нависла над семьей Шторц и угроза раскулачивания и ссылки (раскулаченных колонистов ссылали на Кольский полуостров). По воспоминаниям Амалии, среди членов новосаратовского партийного актива не было единства в вопросе о том, кого считать кулаком. В частности, Варвара Брейнер придерживалась более жесткой позиции, Иван же Брейнер «подходил к делу справедливо». Брейнеру удалось убедить принимавших решение о раскулачивании, что хозяйство Шторц не является кулацким и основано прежде всего на труде членов семьи. В то же время он объяснил Амалии, что сопротивление вступлению в колхоз опасно. «По совету Брейнера бабушке пришлось уступить, — пишет А. Шторц. — Дедушку она “отдала” в ненавистный ей колхоз. Он работал там на лошадях». В колхоз были переданы земельный участок за колонией и корова, за которую Амалия особенно переживала: «Такой коровы не было ни у кого в колонии, потом, в колхозе, она уже не давала столько молока, была не так ухожена». В частном владении остался только мелкий скот. Для самой Амалии работа в колхозе была абсолютно неприемлема. Чтобы избежать ее, она, по словам А. Шторца, «добилась врачебного свидетельства, не знаю какого»,

Рис. 6. Дом семьи Шторц в Новосаратовке. 1930-е годы

и продолжала с сыновьями-подростками заниматься своим уменьшившимся в размерах хозяйством, которое весь довоенный период оставалось для семьи основным источником доходов (рис. 6).

Амалия Шторц — пример того, как в условиях советской власти, несмотря на вносимые извне перемены, колонисты ее поколения сохраняли свою идентичность, базировавшуюся прежде всего на трех основаниях: принадлежности к крестьянству, лютеранской религии и немецкой народной культуре (конкретнее — культуре той местности, откуда происходила семья).

Крестьянский труд был для Амалии не только средством обеспечить пропитание семье, но и самостоятельной ценностью: «Как крестьянка, она не признавала тех, кто не работает физически, а работает умственно». И она отстаивала для себя возможность свободного труда вне колхозной системы. Закрытие церкви и запрет на проведение богослужений не мешали поддерживать в душе усвоенную в детстве религиозную веру. Всю жизнь Амалия берегла и перечитывала напечатанный готическим шрифтом сборник церков-

ных песен, подаренный пастором при конфирмации. Сохранила она и позже передала своим внукам и память о немецких корнях. «Бабушка говорила, — вспоминает А. Шторц, — что ее бабушка собирала детей возле себя и рассказывала о том, как было на их старой родине, в Швабии. О религиозной войне, о том, как протестантов преследовали католики. О бегстве многих семей. О тяжелой дороге на север Германии, о плавании в Санкт-Петербург (многие болели и многие умерли в дороге), о тяжелом труде на болотистых берегах Невы, где сейчас располагалась их колония»¹⁴. Основным языком общения в семье Шторц был швабский диалект. Дети уже владели и русским языком, но сама Амалия знала порусски «лишь два-три десятка слов и выражений, необходимых ей для продажи своих овощей на рынке в городе». Русскоязычные источники информации о происходивших в окружающем мире событиях были ей недоступны, ее жизненные интересы в основном ограничивались пределами колонии, а общение — кругом односельчан.

Жизнь сыновей Амалии Шторц должна была, по ее мнению, тоже пройти в родной Новосаратовке в заботах о хозяйстве. «Бабушка сетовала, что из-за постоянной занятости у нее времени не было на детей», — пишет А. Шторц. Его отец Андрей (Генрих) пошел в школу на год позже положенного срока и не окончил ее, хотя проявлял способности к точным наукам. По словам его одноклассницы Христины Брейнер, «он мог бы учиться лучше, но нередко пропускал занятия: то надо было сопроводить маму на рынок, то что-то срочное сделать дома по хозяйству. И — огород...» Нужды хозяйства были важнее учебы. Семейную жизнь сыновей Амалия также предполагала устроить по своему усмотрению. Старшего сына Федора (Фридриха) она женила на дочери своей сестры (такие браки не были в немецких колониях редкостью).

Однако сыновья — первое поколение колонистов, выросшее при советской власти, — предпочли пойти другой дорогой. Федор развелся с женой, ушел из колонии в город, приобрел специальность электрика. И вновь женился, на женщине с ребенком. Амалия этот брак не одобряла: «Нарушены все традиции. Новая жена — русская, с ребенком. В те времена (да еще в немецкой консервативности

колоний) это было осуждаемо. Да и потеряла она помощника на своей усадьбе». Примечательно, что получение сыновьями «городской» профессии являлось для родителей предметом не гордости, а разочарования: «Вторым ударом для Амалии было то, что и второй ее сын ушел в город учиться». Андрей Шторц «устал от постоянной работы в огороде и взбунтовался. Видел, что его старший брат, получив специальность электрика и находясь в городе, живет совсем по-другому». Окончив фабрично-заводское училище, он начал работать слесарем на Обуховском заводе в Ленинграде, а когда немцев стали снимать с оборонных предприятий, перешел на вагоноремонтный завод. В 1938 г. Андрей был призван на трехлетнюю армейскую службу, по окончании которой планировалась его свадьба с Христиной Брейнер. Однако встретиться вновь им довелось только в 1946 г., когда они, казалось, уже навсегда потеряли друг друга из виду.

Семьи Брейнер и Шторц в военное и послевоенное время: стратегии выживания

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны некоторые из располагавшихся в окрестностях Ленинграда немецких колоний стали местами боевых действий. В конце августа 1941 г. в связи с опасением проявления коллаборационизма властями было принято решение о выселении немецкого населения из Ленинграда и его пригородов, однако его реализации помешала начавшаяся 8 сентября блокада¹⁵.

Отвечая на вопрос о настроениях в кругу его родных в период наступления немецко-фашистских войск на Ленинград, А. Шторц говорит о четком разграничении в их сознании «тех» и «наших» немцев и приводит ряд подтверждающих это примеров: «Наша родственница Тереза Ладе (Ульрих) вышла замуж из Новосаратовки в Колпино. Когда вермахт стал подходить к этой колонии, они с мужем и грудным ребенком обходными путями пробрались к своим близким в Новосаратовку, опасаясь прихода “фашистов”. В доме Брейнер временно останавливались красноармейцы. Офицер звал маму покинуть еще не замкнутое кольцо блокады: “Ведь ты комсомолка, отец и мать — коммунисты, вас всех немцы расстре-

ляют». И семья мамы не отождествляла себя с теми, чужими, немцами, и этот офицер (русский) — тоже». «Я отца спрашивал об этом, — продолжает А. Шторц. — Он говорил, что и мысли не возникало, что это тоже немцы, как он. Это — враги. Он не хуже других проявил себя на фронте с июня по сентябрь 1941 г. Если бы немцев не сняли с фронта, то так и продолжал бы воевать». Примечательна в этом отношении позиция Амалии Шторц, негативно воспринимавшей новую действительность: «Да, Амалия не любила советскую власть. Но это не значило, что она не любила свою малую родину и что она могла довериться тем, кто придет сюда — чужим, хотя и говорящим на том же языке, что она».

Приход вермахта в Новосаратовку представлялся реальной перспективой. В связи с этим, в частности, при личном участии Христины Брейнер была сожжена практически вся документация колхоза «Красный механизатор». В сентябре 1941 г. Новосаратовка, лежавшая на границе города, оказалась внутри блокадного кольца. Голодную зиму 1941/42 г. обе семьи пережили благодаря имевшимся запасам продовольствия. Помогали они и городским родственникам.

В марте 1942 г. власти вернулись к планам депортации немецкого населения. Перевозка была организована по льду Ладожского озера — Дороге жизни. Семья Брейнер (Варвара, ее дочери Христина, Екатерина и сын Валентин) покинула Новосаратовку в составе первой партии депортированных. Христина запомнила слова шофера, везшего их на машине через Ладогу: «Видно, что у фашистов хорошо работают шпионы. В прошлые дни невозможно было проехать, так обстреливали. А сегодня совершенно тихо. Видно, знают, что везем немцев».

Основная часть новосаратовцев была отправлена в Красноярский край. Семья Брейнер попала в село Ермаковка Абанского района. «И мама, и ее сестра, — пишет А. Шторц, — по-доброму вспоминали год, проведенный в Ермаковке. Прибывших распределили по домам. Встретили их не враждебно, хотя жителям сообщили, что прибыли немцы. Скорее — с любопытством, а когда узнали, что они из блокадного Ленинграда — с сочувствием». Для Христины (как и всей ее семьи) определяющую роль в военные

годы сыграло наличие у нее среднего образования и опыта работы в конторе колхоза: «Христине обрадовались в сельсовете, которым руководил пожилой малограмотный мужчина. Она выполняла там уже знакомую по Новосаратовке работу — вела бухгалтерию». А когда осенью 1943 г. их вызвали в Абанск для мобилизации в Трудармию, она, располагая информацией и имея возможность заполнить в сельсовете «запрос-анкеты» на всю семью, увеличила возраст брату и уменьшила матери, что позволило Брейнерам остаться вместе. Они оказались в Нижнем Тагиле Свердловской области, на предприятиях, подведомственных Тагиллагу НКВД. Женщины работали на кирпичном заводе, почти полностью укомплектованном немцами-трудармейцами: Христина — снова в конторе, Варвара — в цехе глиняной посуды; тяжелее всего пришлось Екатерине — она вручную катала вагонетки с сырым кирпичом к печам. Валентин стал учеником сварщика на другом нижнетагильском предприятии.

Семья Шторц не выехала из Новосаратовки в назначенный властями срок. А. Шторц говорит о причинах, по которым Амалия воздержалась от выезда: «Бросить старую мать, дом? Ей было ничего не известно о судьбе сыновей. Да и особого голода, думаю, они не испытывали: она была запасливой и рассчитывала пережить блокаду». Оставшихся, по воспоминаниям Амалии Шторц, вывозили из Новосаратовки в принудительном порядке: «Работники НКВД собрали всех не выехавших из колонии (в основном — старики и дети), обвинили их в том, что они остались, ожидая прихода германцев. И уже под конвоем отправили в ссылку». Престарелую мать Амалии «чекисты заставили оставить в колонии», чем обрекли на смерть. То, что эта группа колонистов оказалась в ссылке в наиболее тяжелых условиях, в воспоминаниях семьи Шторц связывается со стремлением власти наказать их за неповиновение: «Семью Амалии вместе с другими “неблагонадежными” выгрузили на берегу Ледовитого океана (устье реки Яна, Якутия) без шансов там выжить». В долгом пути до места ссылки их спасало от голода то, что Амалия меняла на еду взятые с собой ценные вещи, которые, как предполагает А. Шторц, она могла получать в блокадную зиму от приезжавших в Новосаратовку в поисках продуктов питания

ленинградцев. В Якутии депортированные были погружены на баржи, шедшие по р. Лене. По мере продвижения некоторые семьи высаживали: «Кадровики предприятий отбирали себе подходящих и работоспособных людей». Так, многие из новосаратовцев осели в п. Покровск под Якутском, где находился кирпичный завод. Пожилые же люди были не востребованы. Семья Шторц проделала путь до самого Ледовитого океана: «Бабушка говорила, что была возможность остановиться раньше, и обижалась на дедушку, который заявлял: “Все равно везут на смерть, так хоть мир посмотрю — пусть везут до конца”».

Они бы действительно не смогли выжить, оказавшись без всяких средств к существованию в селе Казачьем на берегу моря Лаптевых, если бы не помощь местного населения — якутов. «Бабушка, — вспоминает А. Шторц, — до конца жизни хорошо отзывалась о якутах». В ссылке Амалия освоила русский язык, это также стало условием выживания. Приехавшему вместе с родителями в Якутию младшему из сыновей — восемнадцатилетнему Александру — пришлось работать на рыбном промысле, часами стоя в ледяной воде (что на всю жизнь отразилось на его здоровье). Не выдержав, Александр пошел на нарушение режима — «сбежал вниз по Лене в Покровск». Риск оказался оправданным: он «без наказания пробыл там, на кирпичном заводе, до освобождения». «Вероятно, — предполагает А. Шторц, — режим в Якутии был не так строг, как в других северных регионах».

Об остальных трех сыновьях у родителей не было сведений. До конца войны они надеялись, что жив старший сын Федор, который находился летом 1941 г. на территории, занятой финскими войсками, и пропал без вести. Адольф, мобилизованный тогда же на оборонные работы под Ленинградом, как выяснилось позже, был направлен оттуда на строительство газопровода в Тамбовскую область. Он оказался единственным из родственников, кто не был ни трудармейцем, ни впоследствии спецпоселенцем, сохранив, таким образом, право на свободное передвижение — редкий случай среди советских немцев.

Гораздо тяжелее сложилась судьба Андрея — отца Анатолия Шторца. Война застала его в Бессарабии, откуда их зенитный

батальон отступал через Украину до Азовского моря. В сентябре 1941 г. начался отзыв немцев-красноармейцев с фронта и формирование из них строительных батальонов для работы на объектах НКВД. По воспоминаниям Андрея Шторца, в Мариуполе «их всех разоружили и уже под конвоем отправили на станцию для погрузки в эшелон. Объявили, что они отправляются в тыл на работы». Местом назначения эшелона стал Ивдельлаг НКВД на Северном Урале. Вместе с прибывшими тем же эшелоном украинскими немцами, а также находившимися в лагере уголовными и политическими заключенными бывшие красноармейцы работали на прокладке железной дороги от ст. Ивдель к марганцевому руднику в п. Полуночное, на котором под руководством эвакуированных из Днепропетровской области специалистов добывалось сырье, необходимое для производства броневой стали.

Много лет спустя, увидев сцены строительства комсомольцами узкоколейки в фильме «Как закалялась сталь», Андрей Шторц с горечью рассказал сыну Анатолию: «Вот так и мы в мороз, полураздетые, голодные, прокладывали дорогу от Ивделя к Полуночному, оставляя половину состава эшелона немцев-фронтовиков погребенными вдоль нее. Но есть и отличие: был конвой в полушубках, валенках и шапках, обзывавший нас фашистами и нередко “угощавший” нас ударами прикладов винтовок». Лагерное начальство не препятствовало уголовникам, притеснявшим немцев и часто отбиравшим у них пайки. По словам Андрея Шторца, он выжил в лагере лишь благодаря тому, что встретил там своего односельчанина Федора Ладе, еще до войны осужденного по уголовной статье за драку с «пришлым» в Новосаратовке, который оказался комсомольским функционером. Федор раздобыл Андрею фуфайку, валенки и взял его под свою защиту. Кроме этого, Андрею помогли унаследованные от отца Генриха навыки столяра: он «наловчился в часы передышки от работы вырезать деревянные ложки и прочие вещи, что давало ему при раздаче пищи лишний черпак баланды».

Позже Андрей работал шахтером на руднике в Полуночном. После окончания войны он, как и все советские немцы, остался в месте депортации, на положении спецпоселенца. О том, что Андрей Шторц находится в той же, что и она, Свердловской области,

Рис. 7. Семья Шторц в п. Полуночное на Северном Урале. 1954 г.

стало известно при случайной встрече с земляком Христине Брейнер. После восьмилетней разлуки Андрей и Христина, получившая разрешение на переезд к жениху, создали семью. В Полуночном родились их дети — Анатолий и Евгения, туда же Андрей вызвал из Якутии родителей (рис. 7).

Со временем в поселок (в основном через заключение браков и воссоединение с родственниками) переселился целый ряд новосаратовцев. Таким образом, в Полуночном сложилась сплоченная группа земляков, оказывавших друг другу помощь и поддержку в тяжелых условиях жизни на Северном Урале. В 1956 г., после снятия режима спецпоселения, семья Шторц в числе других семей немцев-шахтеров переехала вслед за руководителями Полуночного рудника на место их довоенной работы, в Днепропетровскую область (г. Орджоникидзе).

Возвращаться же на свою малую родину бывшим жителям немецких колоний под Ленинградом было запрещено даже после

отмены большей части правовых ограничений. «Родители говорили, — вспоминает А. Шторц, — что то, что проделало с ними правительство во время войны, еще можно было как-то объяснить себе. Но послевоенное к ним отношение никакого оправдания не имеет... С окончанием войны они бы могли выстроить свою жизнь иначе. И могли бы достичь в ней чего-то другого, более значимого». Мать А. Шторца, обладавшая большими способностями к языкам, так и осталась бухгалтером. Отец — хороший техник, рационализатор — всю жизнь проработал в шахте. Главное же, что угнетало членов семьи, — «моральное унижение, зарождение чувства изгоя в стране, в которой ты вырос, жил и трудился, которую любил». У отца особую горечь вызывало недоверие, проявленное властью к немцам-фронтовикам, и то, что о нем, как участнике войны, вспомнили лишь к старости: «Когда военкомат стал приглашать его на парад ветеранов, он не ходил и ни разу не надел присылаемых ему юбилейных медалей».

Сам Анатолий Шторц, получив профессию горного инженера, много лет работал преподавателем в техническом училище г. Орджоникидзе, за успехи в подготовке специалистов для горнодобывающих предприятий региона был отмечен званием «Отличник народного образования», награжден медалью «За трудовую доблесть». В годы перестройки, стремясь активно участвовать в судьбе своего народа, он принял предложение возглавить городское отделение Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение», был делегатом конференции общества в Москве, на которой обсуждались перспективы восстановления уничтоженной в 1941 г. немецкой национальной автономии на территории СССР. Когда стала понятна нереалистичность этих ожиданий, семья Шторц в числе других советских немцев, разочарованных позицией властей страны, приняла решение о переезде в Германию.

Активные шаги по интеграции в новое общество не препятствовали сохранению Анатолием Шторцем деятельного интереса к прошлому своей семьи и ее малой родины — Новосаратовки. Большой объем собранных в течение многих лет материалов и искреннее желание поделиться ими сделали возможным включение истории семьи Шторц–Брейнер в общий контекст научных иссле-

дований, посвященных немецким колониям под Петербургом-Ленинградом.

Библиография

Архивные источники

- РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138.
ЦГА СПб. Ф. 472. Оп. 1. Д. 679.
ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730.
ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 2, 7.

Литература

Бахмутская Е. В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII в. — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. статей / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 233–245.

Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий / редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. Т. 10. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2009. 735 с.

Черказьянова И. В. Ленинградские немцы в годы войны: события 1941–1942 гг. // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 321–348.

Шмидт С. А. Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом: страницы истории XIX–XX веков. СПб.: [б. и.], 2013. 351 с.

Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сентября 1998 г. / отв. ред. А. А. Герман, И. Р. Плеве. М.: Готика, 1999. С. 156–173.

Clausen O. Chronik der Heide- und Moorkolonisation im Herzogtum Schleswig (1760–1765), Husum: Druck- und Verlagsgesellschaft Verlag, 1981. 894 S.

Eichhorn A. Die Einwanderung deutscher Kolonisten nach Dänemark und deren weitere Auswanderung nach Russland in den Jahren 1759–1766 / A. Eichhorn, J. a. M. Eichhorn. Bonn: A. Eichhorn; Midland, Mich.: J. a. M. Eichhorn, 2012. 767 S.

Lebedeva E. Deutsche Kolonie Nowo-Saratowka bei St. Petersburg 1765–1942: Erfolgsgeschichte mit tragischem Ende / Untergegangene Geschichte: Deutsche Kolonie Nowo-Saratowskaja bei Sankt Petersburg. Düsseldorf: Dialog + e. V., 2018. S. 5–21.

* * *

¹ Подробнее об истории Новосаратовки см.: *Lebedeva E.* Deutsche Kolonie Nowo-Saratowka bei St. Petersburg 1765–1942: Erfolgsgeschichte mit tragischem Ende / Untergegangene Geschichte: Deutsche Kolonie Nowo-Saratowskaja bei Sankt Petersburg. Düsseldorf: Dialog + e. V., 2018. S. 5–21; *Шмидт С. А.* Немецкая колония в Ново-

саратовке под Санкт-Петербургом: страницы истории XIX–XX веков. СПб.: [б. и.], 2013. 351 с.

² РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 14 об.

Подробнее о приеме колонистов см.: *Бахмутская (Лебедева) Е. В.* Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 233–245.

³ Архивные данные о немецких колонистах в Дании опубликованы, частности, в работах: *Clausen O.* Chronik der Heide- und Moorkolonisation im Herzogtum Schleswig (1760–1765), Husum, 1981. 894 S.; *Eichhorn A.* Die Einwanderung deutscher Kolonisten nach Dänemark und deren weitere Auswanderung nach Russland in den Jahren 1759–1766 / A. Eichhorn, J. a. M. Eichhorn. Bonn: A. Eichhorn; Midland, Mich.: J. a. M. Eichhorn, 2012. 767 S.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 2,7; Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 280 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 280.

⁸ Там же. Л. 280 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Известия. 1933. 14 июля.

¹¹ Подробнее о хозяйственной жизни колоний см.: *Шрадер Т. А.* Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сентября 1998 г. / отв. ред. А. А. Герман, И. Р. Плева. М.: Готика, 1999. С. 156–173.

¹² Сведения представлены в издании: Ленинградский мартиролог, 1937-1938: Книга памяти жертв политических репрессий / редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. Т. 10. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2009. С. 61.

В электронном виде мартиролог опубликован на сайте центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке: <http://vizz.nlr.ru>.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 472. Оп. 1. Д. 679. Л. 286–286 об.

¹⁴ Память о пребывании предков в Дании до переезда в Россию в семье Шторц не сохранилась.

¹⁵ Подробнее о депортации населения немецких колоний см., напр.: *Черказянова И. В.* Ленинградские немцы в годы войны: события 1941–1942 гг. // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 321–348.